

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18

Поэтика прозаических произведений Николая Щёголева: мотив двойного самоубийства

Ксения Вадимовна Абрамова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>*

Статья посвящена анализу особенностей поэтики прозаических произведений Николая Щёголева. Исследование основывается на принципах культурно-исторического, историко-генетического и структурно-описательного методов. Представлен анализ рассказа Щёголева «Происшествие в парке», сделан акцент на исследовании довольно редкого мотива для художественной литературы – мотива двойного самоубийства. Мы прослеживаем истоки данного мотива, приобретшего большое значение в эмигрантской литературе, причём, как в европейской, западной её ветви, так и в восточной. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в настоящее время проза Николая Щёголева остаётся малоизученной, существующие исследования рассматривают преимущественно жизненный и творческий путь поэта, дают характеристику отдельным текстам. Кроме того, изучение данной темы позволит проследить, как меняется картина мира, трансформируются ценности и приоритеты человека в изменяющемся социуме. На примере анализа мотивов, появляющихся в произведениях авторов, вынужденных эмигрировать, разорвать свои связи с родиной, мы можем увидеть важность сохранения культурно-исторических ценностей в условиях трансформации всех сфер современной жизни. Детально рассмотрены приёмы, которые использует Николай Щёголев в рассказе: создание эффекта кинематографичности повествования, театральности. Обращено внимание на сопутствующие мотивы двойного самоубийства, мотивы вещего сна, старух – предвестниц смерти. Указанное вносит в рассказ элемент фантазмагии, хотя, в целом, произведение написано в реалистичной манере, и позволяют автору создать интригу, нарушающую читательские ожидания. Тема двойного самоубийства в рассказе Николая Щёголева становится преобразованием настроений в среде русской эмиграции (западной и восточной), в то же время самоубийство, окружённое сопутствующими мотивами, превращается в театральное действие, а Харбин, где происходят описываемые события, преобразуется в идеальное мифологическое пространство.

Ключевые слова: Щёголев, мотив двойного самоубийства, кинематографичность, мотив сна, театральность, моральные мотивы, танатологические мотивы

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

© Абрамова К. В., 2023

Original article

Poetics of the Prose Works by Nikolai Shchegolev: The Motive of Double Suicide

Ksenia V. Abramova

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
 a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

The article is devoted to the analysis of the poetics of prose works by Nikolai Shchegolev. Harbin poet created not only lyrical works but also wrote stories, as well as reviews, articles, dreamed of creating a novel. We analyze Shchegolev's story *The Incident in the Park*, focusing on the study of a rather rare motive for fiction – the motive of a double suicide. We trace the origins of this motive, which has gained great importance in emigrant literature, both in the European, western part of it, and in the eastern. The relevance of the topic under consideration is that at present Nikolai Shchegolev's work remains poorly studied. Existing studies consider the life and creative path of the poet, give a description and analyze individual poetic works, but Shchegolev's prose remains practically unexplored. In addition, the study of this topic will allow you to trace how the picture of the world is changing, human values and priorities in a changing world are transforming. On the example of the analysis of the motives of the authors in the works who were forced to emigrate, to break their ties with their homeland, we can see the importance of preserving cultural and historical values in the context of the transformation of all spheres of modern life. We examined in detail the techniques that Shchegolev uses in the story, such as creating the effect of cinematic storytelling, editing. We also dwell on the accompanying motifs of a prophetic dream, old women-harbingers of death, and others. All of them introduce an element of phantasmagoria into the story, although the work is written in a realistic manner, and allow the author to create an intrigue that violates the reader's expectations. The theme of double suicide in the story by Nikolai Shchegolev becomes a transformation of moods among the Russian emigration (both its western and eastern branches). At the same time, suicide, surrounded by the above motives, turns into a theatrical action, and Harbin, where the events described take place, is transformed into an ideal mythological space.

Keywords: Shchegolev, poetics, double suicide motif, cinematography, dream motif, theatricality, mortal motifs, thanatological motifs

Acknowledgment: Research is financially supported by the RSF grant no. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the XX century as a space for literary transfer".

Введение. Николай Александрович Щёголев – харбинский поэт, чьё творчество на настоящий момент остаётся малоизвестным и практически неизученным. Тем не менее, он оставил заметный след в литературной жизни восточной ветви русской эмиграции. Он был участником таких объединений, как «Молодая Чураевка» в Харбине (он был её председателем), «Пятница» в Шанхае. Николай Щёголев был лириком, но писал и стихотворения в прозе (известно одно произведение этого жанра – «Полдень», анализ которого представлен в работе [1]), и прозаические произведения. Анализу одного из таких произведений, рассказа «Происшествие в парке», мы хотим посвятить свою работу. Целью исследования является рассмотрение прозаического произведения Николая Щёголева «Происшествие в парке», в первую очередь, с точки зрения исследования довольно редкого мотива для художественной литературы – мотива двойного самоубийства. Мы проследим истоки этого сюжета, ставшего важным для эмигрантской литературы, причём, как для европейской её части, так и для китайской, проанализи-

руем особенности его проявления в рассказе Щёголева, а также сопутствующие ему приёмы и мотивы. Кроме того, изучение данной темы позволит проследить, как меняется картина мира, трансформируются ценности и приоритеты человека в изменяющемся мире. На примере анализа мотивов, появляющихся в произведениях авторов, вынужденных эмигрировать, разорвать свои связи с родиной, мы можем увидеть важность сохранения культурно-исторических ценностей в условиях трансформации всех сфер современной жизни.

Обзор литературы. До недавнего времени творчество Николая Щёголева оставалось практически не представленным в исследовательской литературе. Большой вклад в изучение творческого наследия Щёголева внесены работами А. А. Забияко [1–5], в том числе в соавторстве с Л. А. Горловой [6], а также необходимо отметить монографию о дальневосточных поэтах и писателях Е. О. Кирилловой [7], в которой упоминается и интересующий нас автор. Ряд исследований, посвящённых поэтике произведений авторов, которые после революции

оказались во Владивостоке, в Харбине, а затем – в Шанхае, рассматривают «прозу поэтов» – прозаические произведения тех писателей, которые стали известны в первую очередь как поэты: А. А. Забияко анализирует прозу харбинских лириков, останавливаясь подробно на произведениях А. Ачаира и Г. Гранина [8]. Исследовательница также обращается, как мы указывали выше, к стихотворению в прозе Н. Щёголева «Полдень» [1], подробно разбирает его ритмическую и семантическую структуры. Также можно назвать работы Е. А. Денисовой, посвящённые анализу прозаических произведений дальневосточного футуриста В. Марта [9; 10]. Рассказ Николая Щёголева «Происшествие в парке» не становился предметом научного исследования.

Интересующий нас мотив двойного самоубийства тесно связан с темой смерти, поэтому скажем несколько слов об изучении этой темы. Тема смерти, в том числе и добровольной, была объектом исследования для разных научных дисциплин. Одной из важнейших вех в изучении темы смерти и её восприятия с точки зрения различных отраслей научного знания стал междисциплинарный труд «Значение смерти» ("The Meaning of Death") [11], в состав которого входили статьи многих известных философов и учёных: К. Г. Юнга, П. Тиллиха, Г. Маркузе, В. Кауфмана, Р. Кастенбаума, Э. Шнейдмана и др. Истории развития танатологии – науки, занимающейся изучением смерти как феномена культуры и человеческой мысли, посвящены исследования Р. Л. Красильникова [12; 13], который отмечает, что на рубеже XX–XXI вв. появляется специфический раздел танатологии – литературоведческая танатология, задачей которой становится рассмотрение преломления темы смерти в литературных произведениях, а также особенности подходов к выражению тем и мотивов, связанных с смертностью у различных авторов. Большую роль в становлении этого раздела сыграли исследования А. Ханзена-Лёве [14], Ю. М. Лотмана [15], А. Бабаянца [16] и других [13, с. 14–72; 17, с. 7–17]. Р. Л. Красильников выделяет в отдельную группу и интересующие нас мотивы добровольного ухода из жизни, поскольку «произведения о самоубийстве также образуют некий дискурс, обладающий сюжетогенетическим и жанро-генетическим потенциалом» [13, с. 68]. Непосредственно темы самоубийства

касаются антология-исследование А. А. Кобринского [18] и двухтомный труд Г. Чхартишвили «Писатель и самоубийство» [19; 20]. В последней названной работе появляется и тема двойного самоубийства, приводятся известные случаи сведения счётов с жизнью писателей и поэтов, анализируются мотивы их решения, также мотив самоубийства, в том числе двойного, упоминается в ряде литературоведческих работ [21–25], но, в целом, этот аспект, особенно с точки зрения преломления мотива двойного самоубийства в художественных произведениях, остаётся неисследованным.

Методология и методы исследования определяются историко-литературным и структурно-семиотическими подходами. В нашей работе мы основывались в первую очередь на принципах культурно-исторического, историко-генетического и структурно-описательного методов, для того чтобы выявить особенности поэтики прозаических произведений харбинского поэта и писателя Николая Щёголева. Используемые методы позволяют проанализировать истоки мотива двойного самоубийства в рассматриваемом рассказе Щёголева, выявить сопутствующие ему темы, мотивы, а также проанализировать переклички с другими произведениями русской литературы в первую очередь – эмигрантской.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассказ харбинского поэта и участника поэтического объединения «Молодая Чураевка» Николая Щёголева «Происшествие в парке» был впервые опубликован в журнале «Рубеж» в 1934 г., в № 13 и 14 (глава 5 в ранней редакции была также опубликована в 1933 г. в № 10 газеты «Чураевка»). Текст рассказа, за исключением одного утраченного фрагмента, воспроизведён в собрании сочинений Николая Щёголева «Победное отчаяние», подготовленном А. А. Забияко и В. А. Резвым и выпущенном в 2014 г. [26].

Николай Щёголев по воспоминаниям современников мечтал написать большое прозаическое произведение, и рассматриваемый текст, возможно, был частью задуманного «большого романа» (об этом, в частности, упоминает А. А. Забияко [4, с. 173]). Другой харбинский поэт, Валерий Перелешин, в «Поэма без предмета» так иронически описывал литературный круг эмигрантов, оказавшихся в Китае:

Нам этой жизни было мало:
 Напрасно женщина качала
 Бессмысленную колыбель, –
 Манила нас другая цель.
 Я о кресте мечтал и розе,
 Сергин – о музыке небес,
 Чтоб отступил упрямый бес,
 А Щёголев – о звонкой прозе,
 Чтоб Сирий завистью пылал,
 А Бунин ахал и вздыхал.

(Песнь первая, строфа LXXIV) [27].

Находясь в Харбине, Николай Щёголев создавал не только стихотворения, но и небольшие прозаические произведения, а также писал рецензии и публицистические статьи (они также опубликованы в упомянутом собрании сочинений [26]). Позднее, после переезда в СССР, Щёголев начал писать роман «Перекрёсток», в основу которого были положены воспоминания о жизни в Харбине. Произведение не было закончено и никогда не публиковалось, черновики некоторых глав были случайно обнаружены уже после смерти Николая Щёголева и его жены и в упомянутом собрании сочинений не опубликованы.

Перейдём к анализу рассказа Николая Щёголева «Происшествие в парке». В первых предложениях автор вводит в текст моральную тему: рассказ начинается со смерти матери одного из героев, Шадрина. Излюбленная тема писателей-эмигрантов, в первую очередь поэтов «парижской ноты», в тексте харбинца Николая Щёголева становится главной и раскрывается через мотив двойного самоубийства: центральным событием в рассказе становится сведение счётов с жизнью двух влюблённых, рабочего Васи Лукошкина и комсомолки Вари Весниной, которой запрещает встречи с Лукошкиным руководитель местного отдела молодёжи Шадрин.

Тема самоубийства, двойного или тройного самоубийства традиционна для литературы и известна со времён Античности (например, легенда о Фисбе и Пираме, которая в дальнейшем упоминалась и обыгрывалась в произведениях Боккаччо, Чосера, Шекспира), но в произведениях русской эмиграции она приобретает особое звучание. Смерть персонажа – всегда событие, которое потрясает в произведении. Когда происходит её удвоение или даже утроение – это всегда усиливает эффект, что делает такое самоубийство максимально театральным. Подобное усиление присутствует, например, в рассказах И. Бунина «Дело корнета

Елагина» и «Сын» и в романе В. Набокова «Дар», хотя в каждом из них погибает только один из героев, остальные же оказываются не в силах совершить задуманное. К тому же, самоубийство – это продуманная смерть, смерть обставленная так, как желает её видеть умирающий, и это тоже ведёт за собой мотив театрализации (это иногда приводит даже к эстетизации смерти, к соединению моральных мотивов с категорией прекрасного [28]).

Для эмигрантской среды смерть была вездесущей, причём, как замечает Патрик Витчак (Patryk Witczak), как в творчестве, так и в жизни (исследователь связывает танатологические мотивы эмигрантской литературы с влиянием произведений Михаила Лермонтова) [24, с. 154]. В комментарии к роману Набокова Александр Долинин приводит сообщение, опубликованное в газете «Руль», о двойном самоубийстве молодых русских эмигрантов на берегу Чёртова озера в Груневальдском лесу в 1928 г., отражением которого стала история Яши Чернышевского [21, с. 106–107].

Нужно сказать, что шокирующие истории, связанные с одновременными самоубийствами, случались и раньше: можно упомянуть, например, о самоубийстве московского щёголя, миллионера и мецената Николая Лазаревича Тарасова в 1910 г., когда любовный треугольник привёл к тому, что стрелялся сначала любовник актрисы Ольги Грибовой (Ясюнинской), затем сама актриса, а потом Тарасов. Более ранним, но широко известным в Европе случаем было самоубийство австрийского кронпринца Рудольфа и его любовницы Марии Вечеры 30 января 1889 г. в императорском охотничьем замке Майерлинг, в Венском Лесу. Эта трагедия стала основой для создания большого количества кинофильмов и произведений для сцены: например, фильма «Майерлинг», поставленного в 1936 г. режиссёром Анатодем Литваком с Шарлем Буайе и Даниэль Дарьё в главных ролях, или балет Кеннета Макмиллана на музыку произведений Ференца Листа «Майерлинг», созданный в 1978 г. Заметим, что этот случай отразился и в русской литературе – в поэме Велимира Хлебникова «Мария Вечера» (1909).

На ряд случаев, связанных с писателями, когда было совершено двойное самоубийство, указывает Г. Чхартишвили. Например, самоубийство двух юных драматургов

Виктора Эскуса и Огюста Лебра в 1832 г., которые «в соответствии с романтическими веяниями эпохи умерли (отравившись угарным газом), взявшись за руки» [20, с. 15]. Большое влияние на литературную традицию оказало самоубийство немецкого поэта Генриха фон Клейста, который в лесу около озера Ванзе сначала убил возлюбленную Генриетту, а затем застрелился сам [Там же, с. 37–39]. В частности, фигура Клейста, его творчество и судьба интересовали Бориса Пастернака. В 1910–1920-е гг. он переводил его драмы и комедию «Разбитый кувшин», готовил статьи о нем, публикация которых не была осуществлена (см. об этом [29, с. 531]).

Для эмигрантов в Китае эта тема также была связана с реальным случаем: 6 декабря 1934 г. в гостинице «Нанкин» застрелились два поэта, входивших, как и Николай Щёголев в объединение «Молодая Чураевка», Георгий Гранин и Сергей Сергин. Самоубийство Г. Гранина и С. Сергина было воспринято в свете влияния парижских упаднических настроений, смакующих брюсовские идеи «Демона самоубийства» [30]. Был ещё один случай такого самоубийства, территориально близкий к Харбину: в 1918 г. покончил с собой поэт и сатирик Фёдор Чудаков, живший в это время в Благовещенске. Вместе с ним застрелилась его жена Варвара, также были мертвы их единственная дочь и собака [31].

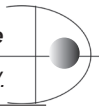
Нужно отметить, что рассказ Щёголева задуман и написан до происшествия, потрясшего литературный мир Харбина, и связан в первую очередь с литературной традицией описания самоубийств.

Остановимся на анализе фрагмента произведения Николая Щёголева, в котором происходит двойное самоубийство. Момент сведения счётов с жизнью Вари и Васи показан максимально отстранённо, даже кинематографично: всё описание происходящего развёртывается, с точки зрения беспристрастного наблюдателя, сами герои в этот момент почти что отсутствуют – не называются их имена, только «он и она» («Он и она пошли сначала по большой, усыпанной гравием аллее...»; «Тогда он и она пересели...»; «Она, не поворачиваясь к нему, вдруг заплакала...»), окружающее их превращается в театральную декорацию, в которой перемещаются герои, описываются лишь случайно встреченные героями про-

хожие, и только после выстрелов в тексте появляется сама картина самоубийства. В самом конце сцены называются их имена, когда собирается толпа, привлечённых звуками выстрелов, и создаётся впечатление, как будто камера движется от этой толпы к самоубийцам, и, приблизившись, крупным планом показывает их лица («На левом боку лежала девушка, очень миниатюрная, но прекрасно сложенная. Молодой человек ещё сидел, облокачиваясь о её колени. У него был прострелен висок, – он хрипел и покачивался. Все знали, что это Лукошкин и Веснина»). Этот эффект достигается тем, что имена названы неожиданно, как будто зритель, пройдя сквозь толпу зевак, вглядывается и узнаёт главных героев рассказа.

На протяжении всей сцены внимание зрителя сосредоточено на Васе и Варе, проходящих через парк. Пейзажи и другие люди появляются «в кадре», когда вступают во взаимодействие с главными героями. Например, появляется «веснушчатая девочка, остриженная под машинку, со встопорченными, выгоревшими на солнце волосами», а за ней – другая, которая кивает Лукошкину и Весниной, но «ни словом, ни жестом они не выказали, что заметили её кивок». Отстранённость повествования как будто передаёт состояние самих героев, готовящихся совершить двойное самоубийство. Интересно, что остальной мир присутствует в виде разнообразных звуков, которые слышат, но как будто не замечают герои: «Далеко в парке три или четыре девических голоса, не совсем в лад, пели входивший в моду романс, где самыми плоскими словами говорилось о вечной силе любви»; «Неподалёку раз двадцать кукушка произнесла: ку-ку, ку-ку. В Желсопе налаживали электролу, слышалось начало марша "Под двуглавым орлом", переименованного нынешней администрацией в "Красное знамя"». Всё это подготавливает к кульминационному моменту – смерти героев, ведь он тоже показан только как звук: «Секунд через двадцать совсем близко от железнодорожного собрания, под старым тополем, прозвучало два револьверных выстрела...»

Эти особенности текста Николая Щёголева, создающие эффект кинематографичности, также, на наш взгляд, связаны с темой смертности, не только из-за того, что здесь описан момент гибели героев. Кинематограф – тема, которая интересу-

ет поэтов и писателей первой половины XX в. Она становится, с одной стороны, знаком времени, модной новинкой, которой все увлечены. С другой стороны – она ведёт за собой тему «живого» и «неживого», их соотносённости и взаимодействия, ведь кинолента создаёт всего лишь иллюзию жизни. В этом мы видим переключку произведения Щёголева с романом В. Набокова «Машенька»: В. Ю. Лебедева показывает, что одним из вариантов метафизической смерти героя романа становится его взаимодействие именно с индустрией кино [17, с. 231–241]. Ганин, для того чтобы получить средства к существованию, «продаёт свою тень» – снимается в качестве статиста. Причём в описании появляются намёки на омертвление или превращение людей в неживые объекты: «... в балаганном сарае с мистическим писклом закипали светом чудовищные фацеты фонарей, наведённых, как пушки, на мертвенно-яркую толпу статистов, палили в упор белым убийственным блеском, озаряя крашенный воск застывших лиц...». Позже, когда случайно Ганин узнаёт себя на экране, он переживает ужас, поскольку видит себя со стороны, что противоречит естественной природе. Так же и герои «Происшествия в парке» становятся лишь марионетками, статистами в киноленте, которая разворачивается перед их взором, и обретают свои имена только после смерти. Отметим, что Щёголев не впервые обращается к теме кинематографа. В рассказе «Телеграмма» главный герой кажется окружающим бездушным, неживым механизмом, манекеном, и такое впечатление создаётся, поскольку он работает в кино-театре (в «Происшествии в парке» героиня, Варя, тоже связана с кинематографом – она продаёт билеты в кассе, где её впервые и видит Лукошкин). Щёголев обращался к теме кинематографа и в поэтических произведениях (мы анализировали их в работе [32]).

Через мотив леса/сада сюжет рассказа «Происшествие в парке» сближается с легендой о Тристане и Изольде, ещё одной паре погибших влюблённых. По замечанию А. В. Ведель, эпизод жизни Тристана и Изольды в лесу особенно важен для русской культуры, он «воплощает эротический потенциал легенды», а также способствует её проекции на библейские образы Адама и Евы, что ведёт за собой мотивы вины и наказания, грехопадения, изгнания из рая [33, с. 115]. Отметим, что в рассказе Ирины Одо-

евцевой «Изольда», сюжет которого прямо конструируется на основе истории любви мифических Тристана и Изольды, также появляется мотив двойного самоубийства: героиня рассказа Лиза в финале произведения открывает газовый кран, тушит свет и ложится к своему спящему возлюбленному Андрею (о теме смерти у И. Одоевцевой, в том числе в указанном рассказе см. [24]).

Герои рассказа Щёголева также оказываются «грешниками»: мотивом для самоубийства становится ультиматум Шадрина, запрещающий их отношения, а смерть героев можно прочесть как своеобразное изгнание из рая. Сама же фигура Шадрин может быть воспринята в качестве неудачливого жениха, обманутого Изольдой-Варей, которая предпочла ему другого. Мотив леса/парка/сада постоянно сопровождает Варю и Васю: в парке оказывается Варя после объяснения с Шадриним («Нарочно сквозь густой кустарник, чтобы никого не встретить, она проридралась к реке, выжидая – когда же слезы, проклятые слезы, наконец иссякнут»), «в кустах» происходит разговор между влюблёнными, когда они договариваются совершить самоубийство («Минут через пять они шли где-то в кустах, давя полынь и твёрдые цветки змееголовика. Варя порывисто, как встала из-за стола, остановилась. Здесь скучная, слегка печальная – доброй печалью – природа. Высоко и раскидисто растут только вязы и тополя. Более прихотливые растения никогда не развиваются здесь во всей полноте. Парк состоит исключительно из вязов и тополей, да ещё кустиков ивняка у реки... Они были в ивняке. От земли на них веяло сырою прохладой, и нудно пили над ухом комар, не зная, на ком остановиться, подлетающий то к ней, то к нему»), там же совершают задуманное.

С легендой о Тристане и Изольде роднит «Происшествие в парке» и морской мотив: Шадрин видит купающуюся Варю, после чего и решает поговорить с ней. Кроме того, после этого разговора Варя опаздывает к ужину и её мать боится, что Варя утонула. Это указывает также и на потустороннюю, русалочью природу героини, что дополняется и другими намёками на то, что в ней сосредоточены опасность и гибельность. Их мы рассмотрим далее.

Основной интригой рассказа «Происшествие в парке», разрешающейся только в конце, становится вопрос о том, кто из

влюблённых нажал на курок. Читателю известно, что идея покончить с жизнью принадлежит Варю, а Лукошкин страшится смерти, но сразу после описания трагедии многократное повторение предположения о том, что «Вася убил Варю» приводит к тому, что создаётся противоположное читательское ожидание, которое затем нарушается: кажется, что решительная героиня должна была сама реализовать задуманное.

Эту версию поддерживают намёки на демоническую сущность Вари. Так, например, при первой встрече героев описывается, что в восприятии Васи Варя затмевает звезду кинематографа, что, с одной стороны, кажется банальной передачей влюблённости героя, но, с другой – в этом описании подчёркивается то, что Варя погубит его: «это лицо весь вечер сначала вытесняло из Васиного зрения Лию-де-Путти, вампирствовавшую в зигзагах мигающего света на грязном полотне...». Таким образом, тема, связанная с кинематографом, ведёт за собой смертельные мотивы.

Своеобразным «предсказанием» становится сон героя накануне самоубийства, в котором карлица что-то совершает с отцом Васи, а затем, герой видит во сне свою смерть, но не ясно, кто его убивает: «"Это – папа. Что она сделала с папой?" – вскрикивает он и сбегает с веранды, туда, в сад, навстречу лезвию странного оружия – не то секиры, не то ятагана, – но, наталкиваясь на лезвие, чувствует, что совсем не больно...».

Приведённые примеры вносят элемент фантазмагии в рассказ: кинодивы, вампиры, карлики, смерть от лезвия, как бы висящего в воздухе, – хотя в этом тексте, на первый взгляд, все предельно реалистично. И эти вкрапления вводят в текст мотив театральности жизни, который, по замечанию В. В. Каблукова, в русской литературе 1920–1930-х гг. тесно связан с мотивом самоубийства [23, с. 34]. Приведём здесь ещё мнение Т. В. Модовцевой о том, что русская литература XIX–XX вв., в особенности поэзия Серебряного века, были «воплощением философской рефлексии авторов над судьбой человека и мира, которые неминуемо привели к драматической тематизации жизни и смерти, иногда переходящей в фарс» [25]. Некоторые черты рассказа Щёголева позволяют говорить, что двойное самоубийство разыгрывается в нём не только в траги-

ческом ключе, но и как своеобразная пародия, как нечто ненастоящее, изображённое, например, на киноэкране.

Композиция в рассказе следующая: повествование не заканчивается смертью влюблённых, далее фокус внимания снова смещается на Шадрина, на сообщение ему новости о смерти Вари и Васи, об их похоронах. В финальной сцене происходит возвращение в момент двойного самоубийства: теперь оно описывается не отстранённо, а с точки зрения Васи. Как отмечает Р. Л. Красильников, «танатологические мотивы имеют выраженный "завершительный" потенциал, так как они способны обозначить окончательный обрыв сюжетной линии или нарратива в целом». Если же они располагаются в середине произведения, то оказываются связаны с кульминацией, но нарратив не завершается, а «получает сильный толчок к развитию, новому с семантической точки зрения» [13, с. 69]. В рассказе Щёголева тема смерти оказывается удвоенной не только из-за количества покончивших с собой – она появляется в момент кульминации рассказа, но не приводит к какому-либо движению: описаны лишь похороны, причём описание во многом отсылает к первой части рассказа: здесь также всё показано через восприятие Шадрина и, например, он снова наблюдает за купающимися, но в этот раз, это музыканты оркестра, которые должны играть на похоронах Вари.

То есть, двойное самоубийство в рассказе Щёголева занимает место и в середине, и в финале произведения. Возвращение к нему разрешает интригу, читатель получает ответ на вопрос, кто же прав: люди, подозревавшие Васю Лукошкина в убийстве возлюбленной, или Шадрин, оказывающийся не в состоянии поверить в это. Остановимся подробнее на финальном эпизоде. В отличие от первого описания, как мы уже указали, здесь отсутствует эффект отстранённости, здесь, наоборот, появляется детальность, как будто камера приближается к изображаемому: «Лукошкин ещё, пожалуй, не вполне верил в то, что произойдёт, неминуемо должно произойти в следующие пять-шесть секунд. Он даже удивлённо словил себя на том, что полупшепотом бессмысленно считает: «один, два, три» – рассматривает переползающего через шнурок его ботинка коричневого жучка, только что слетевшего на запалённый боти-

нок с ветки, с ещё не успевшими спрятаться прозрачноватыми подкрыльями. Эти подкрылья медленно, чуть заметно, как минутная стрелка, втягивались под твёрдые шоколадного цвета крылья, и приблизительно в тот миг, когда подкрылья окончательно исчезли под глянцевыми шоколадными пластинками, Лукошкина оглушило сбоку, а Варя стала отдаляться от него – совсем, навсегда! – клонясь на левую сторону». Здесь всё внимание сосредотачивается даже не на самом герое, который вот-вот умрёт, всё заполняет жук, переползающий шнурок на ботинке, а его крылья превращаются в секундную стрелку часов, отсчитывающих оставшееся героям время. То есть, автор уводит взгляд читателя от самоубийц: за то время, что описывается жук, Варя успевает застрелиться.

Кроме того, в «Происшествие в парке» описано не две, а три смерти (даже четыре, если считать смерть отца Васи, упомянутой в описании сна). Рассказ заканчивается ретроспективным описанием самоубийства влюблённых, но в начале рассказа умирает тихо и незаметно мать Шадрина. Композиционная переключка этих событий, а также то, что косвенным виновником всех смертей является один и тот же человек, заставляет обратить внимание на то, что в рассказе по-

стоянно присутствуют фигуры старух, своеобразных предвестниц смерти Вари и Васи, которые ассоциируются с древнегреческими Мойрами, Судьбой, что ведёт за собой тему древнегреческой трагедии и обращения мира в театр.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели, как преломляется в рассказе «Происшествие в парке» тема двойного самоубийства. Результаты анализа показали, что были реальные случаи, которые могли оказать влияние на формирование тенденции к более частому появлению мотива двойного самоубийства в произведениях русской эмиграции, и рассказ Николая Щёголева становится преобразованием настроений в среде русской эмиграции (как западной, так и восточной её ветвей). В то же время самоубийство, окружённое указанными нами мотивами театральности, кинематографичности, мотивами леса/сада, морскими мотивами, мотивами старух – предвестниц смерти, сближающими прозаическое произведение Щёголева с литературной традицией приводит к тому, что самоубийство в рассказе превращается в театральное действие, а Харбин, где происходят описываемые события, преобразуется в идеальное мифологическое пространство.

Список литературы

1. Забияко А. А. Стихотворение в прозе «Полдень» как опыт метапоэтической рефлексии Н. Щёголева // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 106–114.
2. Забияко А. А. «Самый буйный, самый строптивый, самый одарённый из всей молодой поросли» (художественный мир харбинского поэта Николая Щёголева) // Филологические науки. 2006. № 5. С. 111–121.
3. Забияко А. А. Харбинский поэт Николай Щёголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 67–77.
4. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: Культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Наука, 2016. 437 с.
5. Забияко А. А. Николай Щёголев: замысел неопубликованного романа «Перекресток» // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Вып. 7. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. С. 150–161.
6. Забияко А. А., Горлова Л. А. «Взыскующий поэт» харбинского Монпарнаса (поэтический мир Н. Щёголева) // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ преподавателей и студентов кафедры русской филологии АмГУ / под ред. А. А. Забияко, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 67–84.
7. Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (Поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011. 632 с.
8. Забияко А. А. Прозаические штудии харбинских лириков // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 82–105.
9. Денисова Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 36–43.
10. Денисова Е. А. Проза В. Марта: Некоторые литературные связи и контексты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 10. С. 2901–2905.

11. The Meaning of Death / ed. H. Feifel. New York; Toronto; London. 1959. 388 p.
12. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
13. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
14. Hansen-Löve A. A. Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes (Tagung München 2006) / Hrsg. A. A. Hansen-Löve. München; Wien; Bamberg: Sagner, 2007. P. 7–78.
15. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–430.
16. Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало. 2002. Вып. 5. С. 52–64.
17. Мортальность в литературе и культуре / сост. А. Г. Степанов, В. Ю. Лебедев. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
18. Кобринский А. А. Самоубийство поэтов Серебряного века: между литературным бытом и литературным фактом // «А сердце рвется к выстрелу...» / сост. А. А. Кобринский. М.: Эллис Лак, 2003. С. 3–24.
19. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2 кн. Кн. 1: Человек и самоубийство. М.: Захаров, 2008. 463 с.
20. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2 кн. Кн. 2: Энциклопедия литературицида. М.: Захаров, 2008. 207 с.
21. Долинин А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое изд-во, 2019. 648 с.
22. Панова Н. Ю. Проблема самоубийства в русской литературе конца XIX начала XX вв. Текст: электронный // Society for Cultural and Scientific Progress in Central and Eastern Europe. Budapest. URL: <http://scaspee.com/all-materials/problem-of-suicide-in-russian-literature-of-the-end-of-xix-beginning-of-the-xx-centuries-panova-n-y> (дата обращения: 10.01.2023).
23. Каблуков В. В. Концепт «самоубийство» в тезаурусе русской литературы 1920–1930 годов // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Московский гум. ун-т, 2007. С. 31–39.
24. Witczak P. Танатологические мотивы в прозе Ирины Одоевцевой в контексте диалога с литературной традицией // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, 2014. № 7. С. 153–162.
25. Мордовцева Т. В. Лики Танатоса в русском художественном слове // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2008. № 10. С. 80–87.
26. Щёголев Н. А. Победное отчаянье: собр. соч. М.: Водолей, 2014. 184 с.
27. Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. Семена Карлинского. Холиок: Нью Ингланд Пабл., 1989. 411 с.
28. Красильников Р. Л. «Voilà une belle mort»: Красота и смерть в художественной литературе. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=12216> (дата обращения: 10.01.2023).
29. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. V. Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений / сост., ком. Е. Б. Пастернак и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 752 с.
30. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.
31. Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., пред., ком. А. Урманова. Владивосток: Рубеж, 2016. 716 с.
32. Абрамова К. В. Поэтика харбинских и шанхайских стихотворений Николая Щёголева: Рифмы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 136–144.
33. Ведель А. В. Легенда о Тристане и Изольде в русской поэзии первой трети XX века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 106–125.

Информация об авторе

Абрамова Ксения Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент; Институт филологии СО РАН 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; a-ks@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>.

Для цитирования

Абрамова К. В. Поэтика прозаических произведений Николая Щёголева: мотив двойного самоубийства // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Zabyako, A. A. The poem in prose "Noon" as an experience of N. Shchegolev's metapoetic reflection. In: Russian Harbin, imprinted in the word. Issue 3. Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of L. N. Andersen. Ed. by A. A. Zabyako, G. V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 106–114, 2009. (In Rus.)
2. Zabyako, A. A. "The most violent, the most obstinate, the most gifted of all the young growth" (the artistic world of the Harbin poet Nikolai Shchegolev). Philological sciences, no. 5, pp. 111–121, 2006. (In Rus.)
3. Zabyako, A. A. Harbin poet Nikolai Shchegolev: from the history of Russian emigration. Ural Historical Bulletin, no. 1, pp. 67–77, 2013. (In Rus.)
4. Zabyako, A. A. Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Russian Harbin. Novosibirsk: Novosibirskoe otdelenie izdatel'stva "Nauka", 2016. (In Rus.)
5. Zabyako, A. A. Nikolai Shchegolev: the concept of the unpublished novel "Crossroads". In: Russian Harbin embodied in the word. Ed. by A. A. Zabyako G. V. Efendieva. Iss. 7. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 150–161, 2017. (In Rus.)
6. Zabyako, A. A., Gorlova, L. A. "The Seeking Poet" of Montparnasse in Harbin (the poetic world of N. Shchegolev). In: Russian Harbin embodied in the word: Collection of scientific works of teachers and students of the Department of Russian Philology of the AmSU. Ed. by A. A. Zabyako, E. A. Ogleznevoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos.un-t, pp. 67–84, 2006. (In Rus.)
7. Kirillova, E. O. Far Eastern harbor of Russian futurism. Book one. Modernist trends in the literature of the Russian Far East in 1917–1922. (Poetic names, ideological and artistic searches). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta, 2011. (In Rus.)
8. Zabyako, A. A. Prose studies of Harbin lyric poets. Russian Harbin imprinted in the word. Issue. 3. Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of L. N. Andersen. Ed. by A. A. Zabyako, G. V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 82–105, 2009. (In Rus.)
9. Denisova, E. A. Poetics of the story "Dere – a water wedding" (1932) in the context of the Far Eastern prose of V. Mart in the 1920s–1930s. Gumanitarnyy vector, no. 5, pp. 36–43, 2020. (In Rus.)
10. Denisova, E. A. Prose of V. Mart: Some Literary Connections and Contexts. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 10, pp. 2901–2905, 2021. (In Rus.)
11. The Meaning of Death. Ed. by H. Feifel. New York; Toronto; London, 1959. (In Eng.)
12. Krasil'nikov, R. L. The image of death in a literary work. Vologda: GUK IATsK, 2007. (In Rus.)
13. Krasil'nikov, R. L. Thanatological motives in fiction (introduction to literary thanatology). M: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. (In Rus.)
14. Hansen-Löve A. A. Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov. In: Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes (Tagung München 2006) / Hrsg. A. A. Hansen-Löve. München, Wien, Bamberg: Sagner, 2007: 7–78. (In Germ.)
15. Lotman, Yu. M. Death as a Problem of Plot. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School. M: Gnozis, pp. 417–430, 1994. (In Rus.)
16. Babayants, A. A few remarks about the category of death in the literature. Beginning. M., Vol. 5. Pp.52–64, 2002. (In Rus.)
17. Morality in Literature and Culture. Compiled by A. G. Stepanov, V. Yu. Lebedev. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Rus.)
18. Kobrinskiy, A. A. Suicide of the poets of the Silver Age: between literary life and literary fact. "And the heart is eager for a shot ...". Completed by A. A. Kobrinskiy. M: Ellis Lak, 2003, 3–24. 2003. (In Rus.)
19. Chkhartishvili G. The Writer and Suicide. In 2 books. Book. 1: Man and suicide. M: Zakharov, 2008. (In Rus.)
20. Chkhartishvili G. The Writer and Suicide. In 2 books. Book. 2: Encyclopedia of literary suicide. M: Zakharov, 2008. (In Rus.)
21. Dolinin A. A. Commentary on Vladimir Nabokov's novel "The Gift". M., 2019. (In Rus.)
22. Panova, N. Yu. The problem of suicide in Russian literature of the late 19th and early 20th centuries. Society for Cultural and Scientific Progress in Central and Eastern Europe. Budapest. Web. 10.01.2023. <http://scaspee.com/all-materials/problem-of-suicide-in-russian-literature-of-the-end-of-xix-beginning-of-the-xx-centuries-panova-n-y> (In Rus.)
23. Kablukov, V. V. The concept of "suicide" in the thesaurus of Russian literature of the 1920–1930s. The-saurus analysis of world culture. Collection of scientific papers. M., 2007: 31–39, . (In Rus.)
24. Witczak Patryk. Thanatological Motifs in Irina Odoevtseva's Prose in the Context of Dialogue with Literary Tradition. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, no. 7, pp. 153–162, 2014. (In Rus.)
25. Mordovtseva, T. V. Faces of Thanatos in the Russian artistic word. Paradigma. SPb. Vol. 2. Pp. 143–150, 2005. (In Rus.)
26. Shchegolev, N. A. Victory despair. Collected Works. M: Vodoley, 2014. (In Rus.)
27. Pereleshin, V. Poem without subject. Ed. by S. Karlinsky. Kholiok: N'yu Inland Publ., 1989. (In Rus.)

28. Krasil'nikov, R. L. "Voilà une belle mort": Beauty and death in fiction. Modern problems of science and education, no. 1, 2014. Web. 10.01.2023. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12216> (In Rus.)
29. Pasternak, B. L. Complete Works: in 11 vols. Articles, reviews, prefaces. Dramatic works. Literary and biographical questionnaires. Unfinished sketches. Transcripts of speeches. Commented by E. B. Pasternak and E. V. Pasternak. M: SLOVO/SLOVO, 2004. (In Rus.)
30. Slobodchikov, V. A. About the sad fate of the exiles... Harbin.. M., 2005. (In Rus.)
31. Chudakov, F. "The cup of suffering has been drunk to the bottom!.." From the creative heritage of the outstanding satirist of the early 20th century. Vladivostok: Rubezh, 2016. (In Rus.)
32. Abramova, K. V. Poetics of Harbin and Shanghai poems by Nikolai Shchegolev: Rhymes. Humanitarian Vector, no. 5, pp. 136–144, 2019. (In Rus.)
33. Vedel', A. V. The Legend of Tristan and Isolde in Russian Poetry of the First Third of the 20th Century. "Eternal" Plots and Images in the Literature and Art of Russian Modernism. M: Indrik, 2015: 106–125. (In Rus.)

Information about author

Abramova Ksenia V., Candidate of Philology, Associate Professor; Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia; a-ks@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>.

For citation

Abramova K. V. Poetics of the Prose Works of Nikolai Shchegolev: The Motive of Double Suicide // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18.

Received: January 12, 2023; approved after reviewing February 26, 2023; accepted for publication February 28, 2023.